

ISSN 2307-2539

№2 (14) • 2016

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2016

Главный редактор:

А.А. Тишкин, д-р ист. наук, профессор

Редакционная коллегия:

В.В. Горбунов (зам. главного редактора),
д-р ист. наук, доцент;
С.П. Грушин, д-р ист. наук, доцент;
Н.Н. Крадин, д-р ист. наук, чл.-кор. РАН;
А.И. Кривошапкин, д-р ист. наук;
А.Л. Кунгуров, канд. ист. наук, доцент;
Д.В. Папин (отв. секретарь), канд. ист. наук;
Н.Н. Серегин (отв. секретарь), канд. ист. наук;
С.С. Тур, канд. ист. наук;
А.В. Харинский, д-р ист. наук, профессор;
Ю.С. Худяков, д-р ист. наук, профессор

Редакционный совет журнала:

Ю.Ф. Кирюшин (председатель), д-р ист. наук,
профессор (Россия);
Д.Д. Андерсон, Ph.D., профессор
(Великобритания);
А. Бейсенов, канд. ист. наук (Казахстан);
У. Бросседер, Ph.D. (Германия);
А.П. Деревянко, д-р ист. наук, профессор,
академик РАН (Россия);
Е.Г. Дэвлет, д-р ист. наук (Россия);
Иштван Фодор, д-р археологии, профессор
(Венгрия);
И.В. Ковтун, д-р ист. наук (Россия);
Л.С. Марсадалов, д-р культурологии (Россия);
Д.Г. Савинов, д-р ист. наук, профессор
(Россия);
А.Г. Ситдиков, д-р ист. наук (Россия);
Такахама Шу, профессор (Япония);
Чжан Лянжэнь, Ph.D., профессор (Китай);
Т.А. Чикишева, д-р ист. наук (Россия);
М.В. Шуньков, д-р ист. наук (Россия);
Д. Эрдэнэбаатар, канд. ист. наук, профессор
(Монголия)

Адрес: 656049, Барнаул, пр-т Ленина, 61,
каб. 211, телефон: 8 (3852) 291-256.
E-mail: tishkin210@mail.ru

Журнал основан в 2005 г.
Выходит 4 раза в год

Учредителем издания является
Алтайский государственный
университет

Утвержден к печати Объединенным
научно-техническим советом АГУ

Все права защищены.
Ни одна из частей журнала либо
издание в целом не могут быть
перепечатаны без письменного
разрешения авторов или издателя

Печатное издание «Теория и практи-
ка археологических исследований»
© Алтайский государственный уни-
верситет, 2005–2016.
Зарегистрировано Комитетом РФ
по печати. Свидетельство
о регистрации ПИ №ФС 77-65056.
Дата регистрации 10.03.2016.

ISSN 2307-2539

№2 (14) • 2016

**THEORY AND PRACTICE
OF ARCHAEOLOGICAL
RESEARCH**

Barnaul

Altai State
University Press
2016

Editor in Chief:

A.A. Tishkin, Doctor of History, Professor

Editorial Staff:

V.V. Gorbunov (Deputy Editor in Chief), Doctor of History, Associate Professor;
S.P. Grushin, Doctor of History, Associate Professor;
N.N. Kradin, Doctor of History, Corresponding Member, Russian Academy of Sciences;
A.I. Krivoschapkin, Doctor of History;
A.L. Kungurov, Candidate of History;
D.V. Papin (Assistant Editor), Candidate of History;
N.N. Seregin (Assistant Editor), Candidate of History;
S.S. Tur, Candidate of History;
A.V. Kharinsky, Doctor of History, Professor;
J.S. Khudyakov, Doctor of History, Professor

Associate Editors:

J.F. Kiryushin (Chairperson), Dr. Sci. (Hist), Professor (Russia);
D.D. Anderson, Ph.D, Professor (Great Britain);
A. Beisenov, Candid. Sci. (Hist.) (Kazakhstan);
U. Brosseder, Ph.D. (Germany);
A.P. Derevianko, Dr. Sci. (Hist.) Academician, Russian Academy of Science (Russia);
E.G. Devlet, Dr. Sci. (Hist.) (Russia);
Ishtvan Fodor, Dr. Sci. (Archaeology), Professor (Hungary);
I.V. Kovtun, Dr. Sci. (Hist.) (Russia);
L.S. Marsadolov, Dr. Sci. (Culturology) (Russia);
D.G. Savinov, Dr. Sci. (Hist.) (Russia);
A.G. Sitdikov, Dr. Sci. (Hist.) (Russia);
Takhama Shu, Professor (Japan);
Zhang Liangren, Ph.D, Professor (China);
T.A. Chikisheva, Dr. Sci. (Hist.) (Russia);
M.V. Shunkov, Dr. Sci. (Hist.) (Russia);
D. Erdenebaatar, Cand. Sci (Hist), Professor (Mongolia)

Address: office 211, Lenin av., Barnaul, 656049, Russia, tel.: (3852) 291-256.
E-mail: tishkin210@mail.ru

The journal was founded in 2005.
The journal is published 4 a year.

The founder of the journal
is Altai State University

Approved for publication by
the Joint Scientific and Technical
Council of Altai State University

All rights reserved.
No publication in whole or in part
may be reproduced without the
written permission of the authors or
the publisher

Print Edition of “The Theory and Prac-
tice of Archaeological Research”

© Altai State University, 2005–2016

Registered with the RF Committee
on Printing. Registration certificate
PI №FS 77-65056. Registration date
10.03.2016.

ДЕТСКИЕ ЗАХОРОНЕНИЯ В КОЛЫБЕЛИ ЭПОХИ БРОНЗЫ УРАЛО-СИБИРСКОГО РЕГИОНА: В ПОИСКАХ АНАЛОГИЙ

Захоронения в колыбели являются уникальными для эпохи бронзы Урало-Сибирского региона. Они встречены в окуневской культуре Южной Сибири и в алакульской культуре. Колыбели различаются по конструкции, но, безусловно, свидетельствуют об определенной традиции или культе. Статья посвящена поиску аналогий детским захоронениям в колыбели Урало-Сибирского региона. Алакульские колыбели имели вогнутые внутрь стенки и острые выступающие углы. Ближайшие аналогии алакульским колыбелям встречены в ямной культуре. В ней обнаружены как захоронение в реальной колыбели, так и глиняные модели. В окуневской культуре Южной Сибири колыбель имела спинку, которая была сделана из отдельного полотна бересты. Аналогии такой конструкции встречены в катакомбной культуре, где в детских погребениях имеются глиняные модели «колыбели». Одна торцовая часть такой модели оформлена в виде куполообразного невысокого кузова. Такие модели характерны для детских погребений катакомбного населения Предкавказья, но его истоки уходят в северокавказскую культуру. Модели колыбели встречаются в погребениях совместно с антропоморфными «флейтами Пана» и комочками охры. В окуневской культуре некоторые захоронения детей сопровождалась антропоморфными роговыми подвесками, которые возможно сопоставить с катакомбными «флейтами Пана». Таким образом, автор предлагает выделить две традиции в развитии конструкции колыбели в эпоху бронзы.

Ключевые слова: Урало-Сибирский регион, эпоха бронзы, колыбель, алакульская культура, окуневская культура, ямная культура, катакомбная культура.

DOI: 10.14258/tpai(2016)2(14).-02

Захоронения в колыбели являются уникальными для эпохи бронзы Урало-Сибирского региона. Они встречены в окуневской культуре Южной Сибири и в алакульской культуре (андроновская КИО). Колыбели различаются по конструкции, но, безусловно, свидетельствуют об определенной традиции или культе. Поиск аналогий позволит прояснить некоторые явления.

Алакульская культура. В алакульском могильнике Верхняя Алабуга (Притобольный район Курганской области) обнаружены два детских захоронения (могилы-61 и 75), имеющих необычную внутримогильную конструкцию. Эти могилы отнесены Т.М. Потемкиной к первой группе, которая включала 57 погребений и 24 жертвенные ямы, расположенные в два-четыре ряда вокруг большой могилы-59. Рассматриваемые детские погребения прослеживались в виде пятен, имеющих прямоугольную форму с вогнутыми внутрь сторонами и острыми выступающими углами. По периметру они были оконтурены тонкими (2–4 см) полосками древесной трухи. Дно – в виде полуовала из древесной трухи той же толщины. Размеры могил одинаковы: 0,5 x 0,3 x 0,12–0,15 м, ориентация З–В (могила-61), ЮЗ–СВ (могила-75). В могиле находились только сосуды: один – в могиле-61, и два – в могиле-75. Т.М. Потемкина [1985, с. 163, 175] интерпретировала такие конструкции, как «...остатки корытообразных люлек, в которых были захоронены грудные младенцы». Костяки погребенных в обеих могилах отсутствовали, но это не означает, что их не было в момент захоронения. Как отмечает Т.М. Потемкина [1985, с. 163], в данном могильнике в большинстве могил костяки

не сохранились, ориентация погребенных определялась по положению сосудов и сохранившихся зубов. Так как зубов в этих могилах также не обнаружено, можно предположить, что в могиле захоронены младенцы до появления зубов, или предложить другой вариант объяснения.

Такие захоронения не являются уникальными для алакульской культуры. Автором был исследован алакульский могильник Ермак-IV в Нововаршавском районе Омской области, где обнаружены два подобных детских захоронения – могилы-24 и 25. Оба погребения входили в группу детских захоронений, которые локализовались вокруг двух взрослых могил. Устройство внутримогильной камеры в этих детских погребениях имеет прямые аналогии с захоронениями из могильника Верхняя Алабуга. Приводим их описание.

Могилы-24 прослеживалась на материке в виде пятна серого цвета, имеющего форму прямоугольника с вогнутыми внутрь сторонами и острыми углами. Пятно оконтурено тонким слоем древесного тлена толщиной 2–3 см. Размеры ямы – 0,6 х 0,2 м, глубина – 0,1 м от уровня материка. Ориентирована по линии СЗЗ–ЮВВ. Ребенок младенческого возраста захоронен в скорченном положении, на левом боку, головой на северо-запад – запад. У черепа обнаружен сосуд.

Могилы-25 прослеживалась на материке в виде пятна серого цвета, имеющего форму прямоугольника с вогнутыми внутрь сторонами. Пятно оконтурено тонким слоем древесного тлена толщиной 2–3 см. Размеры ямы – 0,6 х 0,4 м, глубина – 0,07 м от уровня материка. Ориентирована по линии ЮЗ–СВ. В могиле находились кости младенца плохой сохранности: несколько фрагментов черепа, кости рук и ног. Судя по их расположению, умерший был захоронен в скорченном положении, на левом боку, головой на юго-запад. У черепа обнаружен сосуд [Сотникова, 1987].

Таким образом, можно сделать заключение, что у населения алакульской культуры существовал особый ритуал захоронения определенной группы младенцев (возможно, до появления зубов) – в колыбелях.

Аналогии в памятниках ямной КИО. Участие катакомбного населения в сложении памятников синташтинского типа в последнее время признается многими исследователями, тогда как ямного, наоборот, оспаривается. Вместе с тем именно в ямной культуре имеются достаточно близкие параллели рассматриваемым алакульским захоронениям. Это единственное пока для ямной культуры погребение в колыбели открыто в кургане №6 у с. Новоалександровка, в 22 км к югу от Днепропетровска. Основным в кургане было постмариупольское погребение, для которого возведена первичная насыпь. Детское погребение-5 являлось вторым по времени впуска ямным погребением кургана, его могила вырыта с поверхности насыпи II, относящейся к ямному погребению-2. На уровне впуска размеры входной ямы составили 1,65 х 1,15 м. При углублении до 1,48 м с уровня впуска вдоль стен был прослежен уступ, ниже которого размеры ямы уменьшились до 0,8 х 0,45 м. Ее перекрывала гранитная плита, взятая из кромлеха и заходившая на 10–15 см за края ямы, что обеспечивало плотное прилегание. Поэтому к моменту раскопок могила оставалась не заполненной грунтом, исключая мельчайшую (легкую, как пудра) пыль. Это позволило проследить устройство внутримогильного сооружения. Оно представляло собой конструкцию из ошкунных жердей и тонких, расщепленных вдоль прутьев, образовавших плетенку, которая соединялась с жердями посредством шнура, свитого в две пряди из лыка (ивовой

коры?). При расчистке оказалось, что фрагменты жердей оконтуривали яму изнутри и имели слабую дуговидную изогнутость. Куски плетенки встречались под стенками по всей глубине ямы и на дне. Жерди на дне могилы отсутствовали. Скелет ребенка (до полутора лет) лежал на плотной органической подстилке, в которой можно предположить кожу. Костяк ориентирован черепом на юго-запад. Умерший располагался на спине, кости рук лежали параллельно туловищу, ноги были согнуты и повернуты коленями вправо, а в стопах подтянуты к тазу, что позволяет реконструировать первоначальное положение «коленями вверх». Череп и подстилку под ним окрашивала охра. У черепа находился сосуд. И.Ф. Ковалева [1998, с. 40–42] считает, что колыбель имела вид прямоугольного короба, плетеного из жердей и прутьев с вставным дном из кожи или плотной ткани.

С алакульскими эту ямную конструкцию сближает прежде всего вогнутая внутрь форма жердей верхнего каркаса колыбели, что отчетливо заметно на плане погребения. И.Ф. Ковалева [1998, с. 41, рис. 1.-2] объясняет это тем, что длина колыбели несколько превышала длину ямы и ее потребовалось слегка согнуть при помещении в могилу. Наиболее близкую этнографическую параллель данному типу конструкции колыбелей она находит в материалах из украинской этнографии. По ее мнению, наиболее близка ямной колыбели по форме, материалу и способу изготовления полесская «колыска». В подтверждение своих выводов она приводит этнографические свидетельства Ф.К. Волкова [Вовк, 1995, с. 114] о колыбелях типа «колыски»: «Эта мебель на Украине никогда не бывает стоящей на ножках или дуговых подставках, а всегда висящая. Иногда это просто деревянная рама с подвешенным к ней прямоугольным полотняным мешком, а иногда это – лубяная корзина с полотняным дном или еще иногда деревянная коробка, порой очень красивой формы» (цит. по: [Ковалева, 1998, с. 41–42]).

В погребальном обряде ямного населения степного правобережья Днепра и Надпорожья также выявлены следы «культы колыбели», который проявлялся в виде помещения в детские могилы глиняных моделей. По форме они полностью соответствуют реальной колыбели новоалександровского типа. Одна из моделей была найдена в детском погребении-1 кургана у с. Павловка. Модель имела мелкие насечки на внешней поверхности стенок. По мнению И.Ф. Ковалевой, они передают характер материала и технику плетения из прутьев, а слабовыпуклое дно соответствует провисающему дну колыбели, изготовленному из ткани или кожи, что подтверждается также отсутствием насечек, имитирующих плетенку, на дне модели. Глиняная колыбель имела отверстие для подвешивания в одной из стенок. Модель колыбели найдена вместе с тремя костяными амулетами-фетишами и шариком алой охры диаметром 2,5 см. В состав инвентаря входили также два типичных ямных сосуда [Ковалева, 1998, с. 42, рис. 1.-4]. Аналогичная модель колыбели происходит из раскопок Д.И. Яворницким кургана «Луговая могила» у с. Веселое вблизи Мелитополя. Ребенок 1–1,5 лет захоронен скорченно, на спине, головой на восток. При нем найдено «черноглиняное корытце» со сквозной дырочкой в каждом углу для подвешивания, орнаментированное косыми и прямыми глубокими бороздками, также имитировавшими плетение из прутьев. Рядом найдены подвески из волчьих клыков, служившие, по мнению И.Ф. Ковалевой, оберегами. В погребальном обряде ямного населения данного региона «колыбельный» культ проявлялся не только в виде помещения в детские могилы глиняных моделей колыбели, но и антропо-зооморфных фетишей, «флейты Пана» (трубчатые птичьи кости различной длины), комочков охры [Ковалева, 1998, с. 42–43].

При характеристике погребений с вогнутыми внутрь стенками нужно принять во внимание следующий момент. В памятниках катакомбного времени Предкавказья зафиксированы ямы необычной формы, для которых характерны вогнутые посередине стенки, оттянутые углы и иногда овальные углубления ниже уровня дна по углам ямы (речь идет, скорее, о погребениях взрослых. – С.С.). Существуют три интерпретации данной конструкции: 1 – дно ямы оформлялось в виде курильницы на четырех отдельно стоявших ножках, посередине которой лежал погребенный; 2 – форма ямы имитировала разобранную повозку; 3 – формы ям повторяют форму растянутой шкуры животного. Е.В. Избицер считает, что первые две версии не могут быть приняты по следующим причинам. Первую версию, несмотря на «красоту» идеи, подтвердить невозможно. Помещение умершего как бы на жертвенном месте предполагает наличие определенного мировоззрения, о котором у нас нет соответствующих данных. Кроме того, четыре овальных углубления, интерпретируемые как ножки курильницы, присутствуют не всем ямам, а только их части. Относительно второй версии она отмечает, что идея помещения в погребение разобранной повозки характерна прежде всего для погребений ямной культуры, когда повозку разбирали, кузов клали на перекрытие, а колеса – по углам кузова, практически у углов ямы. Е.В. Избицер обращает внимание, что открыто несколько катакомбных погребений в ямах рассматриваемой формы, которые сопровождалась неразобранными повозками. Повозки в них были установлены частично на перекрытии ямы, частично – на площадке или непосредственно в яме. Традиция разбирать их исчезает в Предкавказье с развитием обряда погребения с целой повозкой. Причем наличие повозки непосредственно в могиле не влияло ни на форму ямы, ни на форму камеры или шахты катакомбного погребения. Отвергнув эти версии, Е.В. Избицер предлагает свой вариант. Она обратила внимание на то, что некоторые исследователи при описании ям с вогнутыми стенками иногда называют их «шкурообразными». По ее мнению, именно это определение наиболее правильно отражает форму и суть данного явления. В различных пропорциях формы ям с вогнутыми стенками повторяют форму растянутой шкуры животного. Если учесть, что внутреннее устройство могилы напоминало дом, то логичнее предположить, что дно ямы оформлялось в виде кровати, постели. Постелью служили шкуры, они-то и придавали форму могильным ямам. Е.В. Избицер считает, что данную традицию не следует связывать исключительно с катакомбной культурой. Изогнутость стенок могильных ям является устойчивой чертой значительной части погребений северокавказских и предкавказской культурных групп Прикубанья. При интерпретации формы ям исследователи не связывают эти группы погребений между собой, так как они имеют различные хронологические позиции и центры распространения. Появление такой формы ямы у катакомбников может указывать на ассимиляцию местного населения с пришлой культурой [Избицер, 1996, с. 76–78].

С детскими погребениями алакульской культуры рассматриваемые взрослые катакомбные погребения сопоставить достаточно сложно. Но если принять во внимание возможное участие катакомбного населения в сложении синташтинской культуры, что признается многими исследователями, то представляет несомненный интерес бытование в катакомбной среде традиции сооружения ям с вогнутыми стенками, уходящей в еще более далекое прошлое. Не исключено, что наиболее древние традиции могли сохраняться именно в детской погребальной обрядности как наиболее консервативной.

Сходство реальных алакульской и ямной колыбелей и ямных глиняных моделей нельзя считать случайным. Некоторые исследователи, например Н.Л. Моргунова [2002, с. 114], отстаивают гипотезу об участии населения ямной культуры Приуралья, наряду с другими группами как приуральского, так и зауральского населения, в формировании аркаимо-синташтинского комплекса, который, в свою очередь, связан с памятниками петровского типа и алакульскими.

Генезис алакульской культуры связан с памятниками синташтинского и петровского типов. В свою очередь, в сложении синташтинского населения принимало участие население катакомбной КИО, которое на территории евразийских степей пришло на смену населению ямной культуры. Поэтому поиск аналогий андроновским захоронениям должен быть продолжен также в среде катакомбного населения.

Аналогии в памятниках катакомбной КИО. В катакомбной КИО не встречены детские захоронения в колыбели. Однако в катакомбных памятниках возможно выявить следы бытования собственно «колыбельного» культа. Речь идет о глиняных моделях «повозочек», помещаемых в погребения. Эти предметы Е.В. Избицер разделила по форме на четыре типа. Наибольший интерес для нас представляют модели I типа, которые исследователями называются «лодочками», или «колыбелями». Они представляют собой корытообразные предметы, одна торцовая часть которых оформлена в виде куполообразного невысокого кузова, наподобие современной детской коляски закрытого типа. Они обнаружены в ряде катакомбных захоронений детей и женщин. Е.В. Избицер [2004, с. 410] было учтено 15 погребений с моделями I типа. Одна такая модель колыбели найдена в катакомбном детском погребении-8, впущенном в курган №3 у с. Покровское (Артемовский район Донецкой обл.). В яме-камере обнаружены два детских костяка – младенца и подростка, лежавших в скорченном положении на правом боку, головой на север. Инвентарь погребения составили большой горшок и маленький вотивный сосудик, поставленный вверх дном. На расстоянии 0,5 м от него в южном углу ямы-камеры находилась разбитая на три части глиняная модель (длина – 12 см, ширина – 4 см, высота стенок – 3 см, в куполообразной части – до 7 см). Снаружи она покрыта орнаментом в виде волнистых прочерченных линий, имитирующих плетение лозой, чередующихся с торцовыми отпечатками палочки. Снаружи и внутри бортики имеют сквозные отверстия в один ряд, внутри поверхность заглажена. С.В. Федяев и С.И. Татаринев считают этот тип моделей «колыбелями». Комплекс погребения-8 они относят к позднему периоду донецкой катакомбной культуры и датируют XIX–XVIII вв. до н.э. [Федяев, Татаринев, 1997, с. 22].

Более сложный комплекс, содержащий как «колыбели», так и «повозки» (соответственно I и II типы по классификации Е.В. Избицер), представлен в детском катакомбном погребении-3 кургана №3 из курганной группы Чограй-VIII (Ставропольский край, р. Восточный Маньч). Погребальная конструкция представлена небольшой катакомбой. В камере захоронен ребенок 9–12 лет, на спине, вытянуто, головой на юго-восток. У черепа найдены три бронзовые бочонковидные бусины, на левом запястье – четыре бронзовые подвески в виде перевитого стерженька с полушарием на конце, у левого локтя – обломок раковины, у левого бедра – костяная молоточковидная булавка с нарезным орнаментом и четыре круглые костяные пластинки с отверстиями. В 30 см к югу от черепа (на меловой подсыпке) стояла глиняная модель повозки-кибитки. Ее размеры такие: высота – 26,5 см, дно – 14,4 x 19,6 см. В передней и боковых стенках

имеются три отверстия-окна. Снаружи модель орнаментирована, причем большинство нанесенных изображений, по мнению М.В. Андреевой, передают конструктивные детали повозки. Колес для модели повозки в могиле не найдено. Для прикрепления к повозке других деталей в стенках модели сделано несколько небольших круглых отверстий диаметром 0,5 см. Внутри модели найдены следующие предметы: три трубчатые птичьи кости (от трех разных особей), слегка заполированные, один конец которых был ровно отрезан, глиняная модель «колыбели» (высота – 3,5 см, длина – 5,5 см) и маленький камешек-галька диаметром 0,5 см. «Колыбель» имела вид прямоугольной скобки, поверхность ее красного цвета со следами красной краски. В нижней части имеется 10 симметрично расположенных сквозных дырочек, а в верхней части – две сквозные дырочки. М.В. Андреева считает, что они служили для подвешивания «колыбели» внутри «повозки-кибитки». Она относит комплекс к числу ранних катакомбных захоронений. Кроме того, ею отмечено, что модели повозки и «колыбельки» находят себе аналогии прежде всего в памятниках начала средней бронзы Калмыкии, Восточного Маныча, Прикубанья, Нижнего Подонья [Андреева, 1984, с. 201–205].

Е.В. Избицер обратила внимание на то, что из 15 погребений, содержащих модели I типа, в шести находились так называемые флейты Пана – наборы трубчатых птичьих костей разной длины, иногда со срезанными эпифизами и заполированными концами. Часть из них орнаментированы поясками, нанесенными охрой или черной краской. Они встречаются в погребениях раннего горизонта катакомбных культур с наибольшей их концентрацией на Нижнем Дону и часто связаны с детскими захоронениями. Помимо рассмотренного выше объекта Чограй-VIII-3/3, они встречены в погребениях Ростов/Дон-6/5, Ростов/Дон-6/11, Лысянский-II-5/1, Чограй-IX-2/8, Каланчак-2/9. Во всех них модели «колыбелей» и «флейты Пана» располагались вместе [Избицер, 2004, с. 410]. Как отмечает Е.В. Избицер, несмотря на то, что большинство повозок-колыбелей открыто в катакомбных погребениях, анализ инвентаря и некоторые черты погребального обряда позволяют связать происхождение этих предметов с северокавказской культурой. Ключевым комплексом для понимания данной черты ритуала она считает погребение-1 кургана №5 Ульского аула в Закубанье (раскопки Н.И. Веселовского 1909 г.), которое современные исследователи относят к северокавказской культуре. Это погребение содержало «...скелет не вполне взрослого человека». В состав сопровождающего инвентаря входила глиняная модель I типа – «колыбелька», одна торцовая часть которой оформлена в виде куполообразного невысокого кузова, в стенках и на кузове которой имелись отверстия для подвешивания. Кроме того, умершего сопровождали набор украшений, миниатюрный сосудик, две разнотипные алебастровые статуэтки и не менее шести однотипных глиняных статуэток. Отличительными чертами глиняных статуэток являлись отсутствие головы и наличие внутри каждой специального каналца, т.е. вставные головы статуэток изготавливались из другого материала. На основании находок из более раннего поселения Гойюджек Гуюк в юго-западной Анатолии, где были встречены близкие по форме глиняные статуэтки, у которых в качестве вставной головы использовался фрагмент трубчатой косточки животного, Е.В. Избицер высказала предположение, что и в погребении-1 кургана №5 Ульского аула глиняные фигурки имели вставные головы из кости. С такими головками она отождествляет «флейты Пана». Кости птиц первоначально представляли собой головки идолов, а со временем, в катакомбный период, стали символами самих

идолов. Прямым указанием на то, что наборы птичьих костей использовались в качестве антропоморфных символов, исследовательница считает находки в катакомбных погребениях могильника Новый на Нижнем Дону. В погребениях-14 и 15 кургана №132 найдены наборы птичьих костей, убранство которых состояло из миниатюрных бронзовых пронизей и пастового бисера. Кроме того, в погребении-15 у трех косточек были налесты из кусочков охры. Следы охры на птичьих костях отмечались в ряде других случаев. Е.В. Избицер [2004, с. 409–413, 419] приходит к выводу, что «флейты Пана» и «повозочки» I и II типов «...отражают момент непосредственного участия северокавказской культуры в сложении раннекатакомбных памятников на территории Предкавказья и Поднепровья».

Относительно предназначения глиняных моделей «колыбелей» существуют различные точки зрения. С.В. Федяев и С.И. Татаринев [1997, с. 22] считают, что эти предметы в среде катакомбного населения являлись игрушками в современном понимании этого слова, прототипом для них послужила реальная детская колыбель, плетенная из лозы. Е.В. Избицер [2004, с. 419] полагает, что «флейты Пана» и «повозочки» относятся к ритуальной, духовной стороне жизни. И.Ф. Ковалева [1998, с. 42] на основании этнографических параллелей с территории Сибири, где вотивные модели колыбелей подвешивались к шаманскому бубну и использовались в камланиях и других обрядах, приходит к заключению, что ямные модели колыбелей использовались в аналогичном качестве. Однако это заключение И.Ф. Ковалевой не объясняет того, почему их находят в детских захоронениях. Таким образом, более убедительной представляется версия о ритуальном характере этих находок.

Для нас представляет интерес наличие достаточно развитого колыбельного культа у катакомбного населения, имеющего истоки в северокавказской культуре. Эта традиция в алакульской культуре, являющейся наследницей синташтинской, получила другие формы выражения. По конструкции алакульские колыбели отличаются от катакомбных отсутствием кузова.

Окуневская культура. В эпоху бронзы катакомбный тип конструкции колыбелей встречен в окуневской культуре Южной Сибири. Захоронение в колыбели обнаружено в могиле-7 кургана №1 памятника Уйбат-V. Оно относится к раннему этапу окуневской культуры. Возраст ребенка, по определению А.В. Громова, не превышает одного года. Захоронение совершено в каменном ящике, дно которого находилось на глубине 90 см от уровня погребенной почвы. Ящик был перекрыт несколькими крупными плитами, которые образовывали над погребением сооружение, похожее на розетку. Длинные стенки ящика сохранили следы росписи охрой. Погребение ориентировано на юго-запад. Умерший ребенок располагался вытянуто, на спине. Руки лежали вдоль туловища. В правой кисти ребенка была зажата связка из 65 клыков грызуна (сурка?). Слева от костяка находились четыре просверленных клыка кабарги, соединенные попарно. Под правой рукой – игольник из трубчатой кости птицы с костяной иглой внутри него. Такие изделия считаются принадлежностью женских погребений. Весь костяк был окутан толстым слоем темно-коричневого тлена. Сохранились следы деревянной перекладки над черепом ребенка. Под скелетом и слоем тлена зафиксирован слой бересты овальной конфигурации. Л.А. Соколова полагает, что данная конструкция является берестяной колыбелью, спинка которой была сделана из отдельного полотна бересты, скрепленного с днищем при помощи какого-то органического

материала. Деревянная дуга-перекладина либо служила для крепления спинки колыбели, либо использовалась как самостоятельный конструктивный элемент. Клыки кабарги, соединенные попарно, скорее всего, украшали концы ремня, с помощью которого ребенок был зашнурован в колыбели. Очевидно, над колыбелью был натянут глухой чехол, препятствующий проникновению внутрь нее земли [Соколова, 1995, с. 44–45]. Предложенная автором графическая реконструкция устройства детской колыбели [Соколова, 1995, рис. 1.-2] представляет собой полный аналог катакомбному варианту глиняной модели «колыбели» (I тип). Более того, реальная окуневская колыбель позволяет объяснить некоторые детали в конструкции катакомбных глиняных моделей, а именно наличие противоположащих маленьких сквозных отверстий вдоль боковых бортиков. Вероятно, они служили для крепления ремешков, с помощью которых колыбель зашнуровывалась, что не позволяло ребенку выпасть из нее. Фиксация ребенка в колыбели являлась весьма значимым моментом, поэтому отверстия для ремешков воспроизводились даже на глиняных моделях катакомбного населения.

Это не единственное окуневское захоронение в колыбели. Есть предположение, что в одном из погребений (точнее не указывается. – С.С.) кургана №14 могильника Итколь-II в грунтовой яме с заплечиками совершено захоронение ребенка в берестяной колыбели. Ребенок сопровождался неординарным инвентарем. Помимо сосуда баночной формы, орнаментированного рядом «жемчужин», и мраморного шара с отверстием, обнаружены также роговые подвески, которые располагались в области грудной клетки ребенка. На четырех изделиях с различной степенью детализации воспроизведены головки животных: какого-то копытного, кабана (?), птицы. Еще четыре представляют собой высокохудожественные миниатюрные роговые копии каменных изваяний. По крайней мере, на двух из них отчетливо просматривается трехчастная вертикальная структура элементов, отвечающая всем классическим канонам окуневского искусства: наверху – объемное антропоморфное изображение или голова птицы, в середине – личина, внизу – хищник с оскаленной пастью. Погребение относится к ранней стадии развития окуневской культуры (началу уйбатского этапа) [Лазаретов, Поляков и др., 2012, с. 135]. Погребения, в которых найдена антропоморфная мелкая пластика, достаточно характерны для окуневского населения. Роговые, костяные пластинки из трубчатых костей животных с изображением женского лица и каменные (стеатитовые) стерженьки, один конец которых оформлен в виде человеческой головы, неоднократно встречены в окуневских могильниках, в частности в Черновой-VIII. Они найдены в детских погребениях или реже – взрослого и ребенка. В погребениях подобные изделия встречаются группами. Так, в могиле-7 кургана №9 этого памятника в погребении ребенка 4–5 лет найдено семь миниатюрных антропоморфных изделий: три костяные пластинки, три каменных стержнеобразных и одно подтреугольной формы. Под двумя изображениями найдено скопление каменного бисера. В могиле-13 кургана №8 был захоронен ребенок 7–8 лет, в заполнении найдены две стеатитовые головки, стеатитовые кружки, зубы животных. В могиле-9 кургана №5, содержащей погребение ребенка 9–10 лет, найдены две каменные головки и костяная пластина, вокруг которой располагались бусинки. Кроме того, в могиле находились 10 каменных сверленных кружков, бронзовая игла, обломки костяного игольника, остатки металлического ножа, три бусины [Вадецкая, 1980, с. 8, 11, 52, 71, 115, табл. XXIV.-1–8, 11–13, 15]. Э.Б. Вадецкая обратила внимание на то, что скульптурные и пластинчатые фигурки сверху заложены,

нижняя же часть не имеет лошения. Исследовательница предполагает, что эти фигурки составляли основу ритуальных кукол, сами же куклы имели одежду, изготовленную из какого-то мягкого органического материала (мех, кожа, ткань). Одежда украшалась бисером и бусами, о чем свидетельствуют находки этих украшений рядом с антропоморфными изображениями [Вадецкая, 1980, с. 71]. Таким образом, окуневские антропоморфные изображения имеют определенное сходство с катакомбными и ямными «флейтами Пана», которые тоже служили основой «кукол» и также встречаются в могилах группами. Однако окуневские антропоморфные изображения представлены, как правило, в погребениях детей, уже вышедших из колыбельного возраста.

На позднем (черновском) этапе окуневской культуры погребения в колыбели пока не выявлены. Однако значительный интерес представляет работа А.В. Громова по выяснению зависимости размеров могил от роста погребенных и, соответственно, возраста в случае детских погребений. Им привлечены к анализу 81 погребение из Черновой-VIII и 52 погребения из Верхнего Аскиза-I. В результате анализа выявлена отчетливая разница между длиной погребений детей до года и длиной всех остальных. Могилы детей до года имели длину не более 80 см. По мнению А.В. Громова [2006, с. 245–247], высокая степень достоверности отличий этой группы могил позволяет учитывать их в демографических исследованиях в том случае, если в результате ограбления в могиле отсутствуют костные останки. А.В. Громов считает, что «...четкая дифференциация могил детей раннего возраста позволяет предположить, что дети, погребенные в могилах длиной менее 80 см, имели какой-то особый статус. По всей видимости, речь идет о детях “колыбельного возраста”. С точки зрения краниоморфологии, в случае черновского этапа окуневской культуры особое значение этого возраста состоит в том, что именно в это время проходил процесс деформирования головы ребенка. По окончании колыбельного периода ребенок, возможно, получал другой социальный статус, что сопровождалось изменением погребального обряда в случае его смерти» [Громов, 2006, с. 247].

Таким образом, можно указать, что у населения окуневской культуры, причем, по-видимому, на всем протяжении его существования, был также распространен «культ колыбели», связанный, в частности, с захоронением детей до года. Несомненный интерес представляют наметившиеся параллели с раннекатакомбными памятниками Предкавказья, Нижнего Подонья и Поднепровья, а также с северокавказской культурой. Прежде всего это сходство реальной окуневской колыбели из могильника Уйбат-V с катакомбными глиняными моделями «колыбелей». Более того, как в катакомбных погребениях модели колыбелей сочетаются с наборами антропоморфизированных птичьих костей («флейты Пана»), так и в окуневском захоронении ребенка в колыбели его сопровождает набор, состоящий из антропо- и зооморфных роговых предметов. Безусловно, факт бытования такой традиции у катакомбного и окуневского населения (антропоморфные предметы) представляется достаточно значимым.

Вопрос о конкретном месте и времени формирования окуневского феномена пока остается открытым. И.П. Лазаретов отмечает, что в ранних памятниках уйбатского этапа окуневской культуры имеются черты, характерные для позднеямных и ямно-катакомбных комплексов степной зоны юга России. Поэтому именно в этих районах следует искать истоки окуневской погребальной традиции [Лазаретов, 1994, с. 20–24; 1997, с. 38–41]. Именно там имеются ближайшие аналогии окуневским могильным

конструкциям в виде катакомб и грунтовыми ямам с заплечиками и значительной глубиной. Так, центральное захоронение кургана №1 могильника Уйбат-Чарков представляло собой грунтовую яму с заплечиками размером 3,4 x 2,8 м, которая была углублена в материк на 4,4 м [Лазаретов и др., 2012, с. 131]. И.П. Лазаретов, А.В. Поляков, Ю.Н. Есин, Н.И. Лазаретова отмечают, что на территории Северо-Западного Прикаспия и в прилегающих к нему районах Северного Кавказа можно обнаружить аналоги целому ряду изделий окуневской культуры: серебряные и бронзовые височные кольца, черешковые ножи, четырехгранные шилья, костяные колечки из спилов трубчатых костей. Во многих захоронениях этого региона присутствуют посыпка охрой, остатки подушек, подстилок и покрывал из органических материалов. Причем, как отмечают эти исследователи, перечисленные соответствия имеют любопытную корреляцию с данными антропологии. Ниже подробно приводим их аргументацию. В статье о происхождении окуневской культуры А.В. Громов обратил особое внимание на брахикранные группы ямного и ямно-катакомбного населения с территории Калмыкии. Это же направление связей с акцентом на Северный Кавказ и Предкавказье подтвердил К.В. Солодовников в поисках прародины европеоидного компонента в составе окуневской, каракольской и чаа-хольской культур. А.А. Казарницкий, изучая краниологические серии Северо-Западного Прикаспия, показал, что черепа ямной культуры этого региона, благодаря значительным широтным размерам мозгового и лицевого отделов, отличаются от всех известных краниологических серий ямной КИО. И именно эти особенности, в частности ярко выраженная брахикрания, сближают ямные и ямно-катакомбные серии Калмыкии с черепами периода ранней бронзы Саяно-Алтая. Есть еще один дополнительный признак, равно представленный в двух антропологических сериях, казалось бы, столь удаленных регионов, – очень специфическая затылочнотеменная деформация черепной коробки. Эта особенность очень зримо проявилась на черепах позднего черновского этапа окуневской культуры, поэтому невольно сложилось впечатление о ее отсутствии на черепах предшествующего уйбатского этапа. В ходе изучения новых материалов Н.И. Лазаретова выявила наличие такой деформации в ранней краниологической серии окуневской культуры. На уйбатских черепах она оказалась выражена заметно слабее, что еще больше сближает их с ямным и ямно-катакомбным населением Калмыкии. В середине III тыс. до н.э. в регионе Северо-Западного Прикаспия прежнее ямное и ямно-катакомбное население вытесняется с занимаемой территории. Там получает распространение восточноманычская катакомбная культура, население которой характеризуется иным антропологическим типом и другими вариантами черепных деформаций – кольцевыми или лобно-затылочными. Именно в то же время гиперфорфные европеоиды появляются на Саяно-Алтае одновременно с распространением там обрядовых традиций и вещевого инвентаря, характерного для синхронных комплексов степной полосы юга Восточной Европы. По мнению исследователей, эти совпадения далеко не случайны, а являются звеньями единого процесса [Лазаретов и др., 2012, с. 135–136]. И.П. Лазаретов полагает, что можно говорить о второй, постафанасьевской, волне продвижения степных скотоводов далеко на восток [Лазаретов, 1994, с. 20–24; 1997, с. 38–41].

Следы существования в окуневской культуре «культы колыбели», связанного с детскими захоронениями, и наметившиеся параллели с традициями раннекатакомбного населения Предкавказья и северокавказской культурой не только не противоречат

гипотезе о второй волне продвижения степных скотоводов далеко на восток, но и позволяют выявить еще одну линию сопоставлений, связанную с детской погребальной обрядностью.

Прослеживается любопытная закономерность: культуры западных районов (ямная, катакомбная, северокавказская) в основном связаны с традицией изготовления глиняных моделей колыбелей, а в культурах, занимавших более восточные регионы, – алакульской и окуневской – получила распространение традиция использования реальных колыбелей при захоронении детей. Безусловно, что это проявление одной и той же традиции, бытовавшей длительное время. Более того, в западных культурах прослеживается устойчивое сочетание в одном комплексе моделей колыбели и «флейт Пана» (трубчатых костей птиц) антропоморфного облика. В окуневской культуре в погребении, содержащем захоронение ребенка в колыбели, обнаружены роговые антропоморфные подвески, что еще более усиливает сходство этих культур и свидетельствует в пользу катакомбных или ямно-катакомбных взаимодействий.

Выводы. Таким образом, можно наметить две традиции развития в конструкции реальной колыбели, учитывая находки глиняных моделей.

Ямно-алакульская традиция – глиняная модель колыбели подпрямоугольной формы без куполообразного выступа. Она характерна для ямного населения степного правобережья Днепра и Надпорожья, встречается в погребениях совместно с «флейтами Пана» и комочками охры. Прослеживается сходство с реальными колыбелями ямной культуры Украины (один случай) и алакульской культуры Южного Зауралья и Западной Сибири.

Катакомбно-окуневская традиция – глиняная модель колыбели подпрямоугольной формы, одна торцовая часть которой оформлена в виде куполообразного невысокого кузова. Она характерна для детских погребений катакомбного населения Предкавказья, но ее истоки уходят в северокавказскую культуру. Модели встречаются в погребениях совместно с «флейтами Пана» и комочками охры. Прослеживается сходство с реальными колыбелями окуневской культуры Южной Сибири, содержащими захоронения детей младшей возрастной группы. К этому следует добавить, что детские окуневские погребения разного возраста иногда также сопровождалась антропоморфными подвесками.

Библиографический список

Андреева М.В. Глиняная модель повозки из погребения катакомбного времени // Советская археология. 1984. №3. С. 201–205.

Вадецкая Э.Б. Изваяния окуневской культуры // Вадецкая Э.Б., Леонтьев Н.В., Максименков Г.А. Памятники окуневской культуры. Л. : Наука, 1980. С. 37–87.

Громов А.В. Об особом типе детских погребений в могильниках черновского этапа окуневской культуры // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение. СПб. : Элексис Принт, 2006. С. 245–247.

Избицер Е.В. К вопросу о форме погребальных ям в культурах эпохи средней бронзы Предкавказья // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века. Волгоград : Перемена, 1996. С. 76–78.

Избицер Е.В. Модели «повозок», «флейты Пана» и северокавказская культура // Археолог: детектив и мыслитель : сборник статей, посвященных 77-летию Л.С. Клейна. СПб. : Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 2004. С. 409–421.

Ковалева И.Ф. Мир детства ямных племен Предстепья // Проблемы археологии Подніпров'я. Дніпропетровськ. Вип. 1. 1998. С. 37–47 [Электронный ресурс]. URL: <http://bronzalib.narod.ru/k/kovaleval998.html>.

Лазаретов И.П. Окуневские могильники долины реки Уйбат (к вопросу о второй волне индоевропейцев в Южной Сибири) // Изучение древних культур и цивилизаций. Материалы к пленуму [ИИМК], 5–7 апреля 1994 г. СПб.: ИИМК РАН, 1994. С. 20–24. (Археологические изыскания. Вып. 14).

Лазаретов И.П. Окуневские могильники в долине реки Уйбат // Окуневский сборник. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 19–64.

Лазаретов И.П., Поляков А.В., Есин Ю.Н., Лазаретова Н.И. Новые данные по формированию окуневского культурного феномена // Историко-культурное наследие и духовные ценности России. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. С. 130–136.

Моргунова Н.Л. Проблемы изучения ямной культуры Южного Приуралья // Проблемы археологии Евразии: К 80-летию Н.Я. Мерперта. М.: ИПП «Граф и К», 2002. С. 104–116.

Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М.: Наука, 1995. 376 с.

Соколова Л.А. Погребение в колыбели Окуневского могильника Уйбат V // Археологические вести. 1995. №4. С. 44–51.

Сотникова С.В. Отчет о раскопках могильника Ермак-IV в Нововаршавском районе Омской области в 1986 году. Омск, 1987 // Архив ИА РАН. Ф. Р-1.

Федяев С.В., Татаринцов С.И. Уникальное погребение катакомбной культуры с «игрушкой» // Проблемы истории и археологии Украины. Харьков, 1997. С. 22.

S.V. Sotnikova

BABY GRAVES IN THE CRADLE IN THE BRONZE AGE OF THE URAL-SIBERIAN REGION: IN SEARCH OF ANALOGIES

Cradle burials are unique to the Bronze Age in the Ural-Siberian region. They are typical for Okunevo culture of South Siberia and Alakul culture. Cradles vary in design, but they can definitely be attributed to a certain tradition or cult. The article is devoted to the search of analogies to children's cradle graves in the Ural-Siberian region. Alakul cradles had a concave inside wall and sharp protruding corners. The nearest analogies to Alakul cradles were found in the pit-grave culture with real cradle graves and clay models. In Okunevo culture of South Siberia the cradle had a back side made of a discrete piece of birch bark. Analogies of this design were found in the catacomb culture, where children's burials contained clay cradle models.

One end part of such a model is designed in the form of a low dome-shaped body. Such models are typical for children's interments of the catacomb population of Ciscaucasia, but roots can be found in their North Caucasian culture. Cradle models are found in burials along with anthropomorphic "Pan flute" and lumps of ochre. In Okunevo culture some children's burials were accompanied with horn anthropomorphic pendants, which may be compared with the catacomb "Pan flute". Thus, the author proposes to distinguish two traditions in the development of the cradle design in the Bronze Age.

Key words: Ural-Siberian region, the Bronze Age, the cradle, Alakul culture, Okunevo culture, pit grave culture, catacomb culture.

References

Andreeva M.V. Glinyanaya model' povozki iz pogrebeniya katakombnogo vremeni [The Clay Model of the Wagon from the Catacomb Time Burial]. *Sovetskaya arkhеologiya* [Soviet archaeology]. 1984. №3. Pp. 201–205.

Vadetskaya E.B. Izvayaniya okunevskoy kul'tury [Sculptures of Okunevo Culture]. Vadetskaya E.B., Leont'ev N.V., Maksimenkov G.A. Pamyatniki okunevskoy kul'tury [Monuments of Okunevo Culture]. Leningrad: Nauka, 1980. Pp. 37–87.

Gromov A.V. Ob osobom tipe detskikh pogrebeniy v mogil'nikakh chernovskogo etapa okunevskoy kul'tury [On the Special Type of Children's Burials in the Chernovsky Stage of Okunev Culture Burial Grounds]. *Okunevskiy sbornik 2. Kul'tura i ee okruzhenie* [Okunevo Collection 2. Culture and Its Surroundings]. Saint Petersburg: Eleksis Print, 2006. Pp. 245–247.

Izbitser E.V. K voprosu o forme pogrebal'nykh yam v kul'turakh epokhi sredney bronzy Predkavkaz'ya [The form of the Burial Pits in the Cultures of the Middle Bronze Age Ciscaucasia].

Drevnosti Volgo-Donskikh stepey v sisteme vostochnoevropeyskogo bronzovogo veka [Antiquities of the Volga-Don Steppe in the System of Eastern European Bronze Age]. Volgograd : Peremena, 1996. Pp. 76–78.

Izbitser E.V. Modeli “povozok”, “fleyty Pana” i severokavkazskaya kul'tura [The Models of “Carts”, “Pan’s Flute” and the North Caucasian Culture // *Arkheolog: detektiv i myslitel'* : sbornik statey, posvyashchennykh 77-letiyu L.S. Kleyna [Archaeologist: a Detective and a Thinker: a Collection of Articles Devoted to the 77 Anniversary of L.S. Klein]. Saint Petersburg : Izd-vo Sankt-Peterb. un-ta, 2004. Pp. 409–421.

Kovaleva I.F. Mir detstva yamnykh plemen Predstep'ya [The World of Childhood of the Pit-Grave Tribes in the Pre-Steppe]. *Problemy arkheologii Podniprovyaya* [The Problems of Archaeology of the Dnieper Region]. Dnipropetrovs'k. Issue 1. 1998. Pp. 37–47 [Elektronik resourse]. URL: <http://bronzalib.narod.ru/k/kovaleval998.html>.

Lazaretov I.P. Okunevskie mogil'niki doliny reki Uybat (k voprosu o vtoroy volne indoevropeytssev v Yuzhnoy Sibiri) [Okunevo Burial Grounds of the Uybat River Valley (to the question of the second wave of Indo-Europeans in Southern Siberia) // *Izuchenie drevnykh kul'tur i tsivilizatsiy. Materialy k plenumu* [IIMK], 5–7 aprelya 1994 g. [The Study of Ancient Cultures and Civilizations. Materials for the Plenum [IHMC]. *Arkheologicheskie izyskaniya. Vyp. 14* [Archaeological Investigations. Issue 14]. Saint Petersburg : IIMK RAN, 1994. Pp. 20–24.

Lazaretov I.P. Okunevskie mogil'niki v doline reki Uybat [Okunevo Burial Grounds in the Uibat River Valley]. *Okunevskiy sbornik* [Okunevo Collection]. Saint Petersburg : Petro-RIF, 1997. Pp. 19–64.

Lazaretov I.P., Polyakov A.V., Esin Yu.N., Lazaretova N.I. Novye dannye po formirovaniyu okunevskogo kul'turnogo fenomena [New Data on the Formation of the Okunevo Cultural Phenomenon]. *Istoriko-kul'turnoe nasledie i dukhovnye tsennosti Rossii* [Historical and Cultural Heritage and Spiritual Values of Russia]. Moscow : Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2012. Pp. 130–136.

Morgunova N.L. Problemy izucheniya yamnoy kul'tury Yuzhnogo Priural'ya [Problems in the Study of the Pit-Grave Culture of the Southern Urals]. *Problemy arkheologii Evrazii: K 80-letiyu N.Ya. Merperta* [Problems of Archaeology of Eurasia: the 80th Anniversary of N.Y. Merpert]. Moscow : IPP “Graf i K”, 2002. Pp. 104–116.

Potemkina T.M. Bronzovyy vek lesostepnogo Pritobol'ya [Bronze Age of Forest-Steppe Tobol]. Moscow : Nauka, 1995. 376 p.

Sokolova L.A. Pogrebenie v kolybeli Okunevskogo mogil'nika Uybat V [The Burial in the Cradle of the Okunevo Burial Ground 5]. *Arkheologicheskie vesti* [Archaeological News]. 1995. №4. Pp. 44–51.

Sotnikova S.V. Otchet o raskopkakh mogil'nika Ermak-IV v Novovarshavskom rayone Omskoy oblasti v 1986 godu. Omsk, 1987 [The Report of the Excavations of the Ermak-4 Burial Ground in the Novovarshavsky District of the Omsk Region in 1986]. *Arkhiv IA RAN. F. R-1* [Archive IA RAS. F. R-1]. Omsk, 1987.

Fedyayev S.V., Tatarinov S.I. Unikal'noe pogrebenie katakombnoy kul'tury s “igrushkoy” [Unique Catacomb Culture Burial with a “Toy”]. *Problemy istorii i arkheologii Ukrainy* [Problems of History and Archaeology of Ukraine]. Khar'kov, 1997. P. 22.